

Добрый знакомый

По зеркальному льду скользят мужские ботфорты и женские ботинки с меховой опушкой. Скользящих ног так много, что, будь они в Китае, для них не хватило бы бамбуковых палок. Солнцу светит особенно ярко, воздух особенно прозрачен, щечки горят ярче обыкновенного, глазки обещают больше, чем следует... Живи и наслаждайся, человек, одним словом! Но... Дудки, говорит судьба в лице моего... доброго знакомого.

Я вдали от катка сижу на скамье под голым деревом и беседую с ней. Я готов ее скушать вместе с ее шляпкой, шубкой и ножками, на которых блестят коньки так хороша! Страдаю и в то же время наслаждаюсь! О, любовь! Но... дудки...

Мимо нас проходит наш департаментский отворяйло и запирайло, наш Аргус и Меркурий, пирожник и рассыльный, Спевсип Макаров. В руках его чьи-то калоши, мужские и женские, должно быть превосходительные. Спевсип делает мне под козырек и, глядя на меня с умилением и любовью, останавливается около самой скамьи.

Холодно, ваше высокобл... бл... На чайшко бы! Хе-хе-с.

Я даю ему двугривенный. Эта любезность трогает его донельзя. Он усиленно мигает глазками, оглядывается и говорит шепотом:

Очень мне жалко вас, обидно, ваше благородие!.. Страсть как жалко! Точно вы мне сынок... Человек вы золотой! Душа! Доброта! Смиреник наш! Когда намерен он, превосходительство то есть, накинулся на вас тоска взяла!

Ей-богу! Думаю, за что он его? Ты и лентяй, и молокосос, и тебя выгоню, то да се... За что? Когда вы вышли от него, так на вас лица не было. Ей-богу... А я гляжу, и мне жалко... Ох, у меня всегда сердечность к чиновникам!

И, обратясь к моей соседке, Спевсип, прибавляет:

Уж больно они плохи у нас насчет бумаг-то. Не ихнее это дело в умственных бумагах... Шли бы по торговой части или... по духовной... Ей-богу! Ни одна бумага у него толком не выходит... Всё зря! Ну и достается на орехи... Сам заел его совсем. Турнуть хочет... А мне жалко. Их благородие добрые...

Она смотрит мне в глаза с самым обидным состраданием!

Ступай! говорю я Спевсипу задыхаясь.

Я чувствую, что у меня даже калоши покраснели. Осрамил, каналья! А в стороне, за голыми кустами, сидит ее папенька, слушает и глазеет на нас, чтобы я впредь до титулярного не смел и думать о... На другой стороне, за другими кустами, прохаживается ее маменька и наблюдает за ней. Я чувствую эти четыре глаза... и готов подохнуть...

